

Т. А. Зотова

ТИК И НОВАЛИС: ИСТОРИЯ ОДНОЙ КРАТКОЙ ДРУЖБЫ

Представлена попытка понять и концептуализировать историю романтической дружбы Людвиг Тика и Новалиса на основании переписки и суждений участников романтического кружка.

Ключевые слова: Тик, Новалис, йенский романтизм, поэтика, романтические концепты, дружба, болезнь.

Известно, что Л. Тика и Новалиса связывала тесная дружба, о чем сообщается во множестве источников. В многочисленных текстах, посвященных немецкому романтизму, их имена настолько часто упоминаются вместе, что в сознании читателя Тик и Новалис фигурируют как устойчивая пара. Действительно, в определенном смысле они и в самом деле являлись теми противоположностями, которые составляют единство. Новалис, который прожил всего двадцать восемь лет, и Тик, проживший почти восемьдесят; Новалис, которого называют и магом и пророком, и Тик, который считается скорее практиком, нежели философом. Ф. Шлегель пишет, что трудно понять, что «связывало вместе таких извергающих огонь и воду людей, как Новалис и Тик» [1, с. 195].

Дружба Новалиса и Тика длилась с 17 июля 1799 г. до самой смерти Новалиса 25 марта 1801 г., т. е. всего полтора года. Если верить авторитетному пятитомному изданию “*Novalis. Schriften. Die Werke Friedrich von Hardenbergs*”, предоставляющему довольно подробную хронологию жизни Новалиса, за это время друзья виделись всего четыре раза по несколько дней. Очевидно, что невозможность встречаться чаще (в это время Новалис получает пост на солеварнях и совершает множество деловых поездок) должна была бы лишь стимулировать их переписку, однако, по данным этого авторитетного издания, сохранилось всего четыре письма. Все они принадлежат перу Новалиса. К. фон Хольтай, издавший собрание писем к Тику, пишет, что, «к сожалению, мы обнаружили в наследии Тика всего четыре письма его руки, и передаем их в несокращенном виде» [2, S. 304]. Известно, были ли это все письма, которые Тик получил от Новалиса: по прошествии такого количества лет часть бумаг могла быть утеряна, например, по причине многочисленных переездов Тика.

Неоспоримым остается прежде всего тот факт, что Новалис и Тик были очень дружны и активно влияли на творчество друг друга. Они познакомились во многом благодаря Ф. Шлегелю. Вот что он пишет в одном из писем к Тику: «Благодаря Вашим “Народным сказкам” у Вас появилось два новых друга, которых вы не знаете: Новалис и философ и физик Шеллинг, о котором я Вам говорил»

[3, S. 621]. 20 января 1799 г. Новалис пишет Каролине Шлегель: «Прочитал “Фантазии” Тика – в них так много прекрасного, что могло бы быть и меньше» [3, S. 275]. «Народные сказки Петера Лебрехта» и «Фантазии об искусстве» затрагивают ключевые для эстетических исканий Новалиса вопросы. «Народные сказки Петера Лебрехта», сборник народных сказаний и легенд, который включал в себя как обработанный Тиком исторический материал XV–XVI вв., так и его собственные произведения, выдержанные в аналогичной стилистике, привлек внимание Шлегелей, провозгласивших Тика романтическим поэтом. Этот сборник – первое крупное произведение Тика, в котором ярко раскрывается его интерес к сказке, немецкой народной культуре, средневековой поэзии. Эта тенденция получила свое развитие и в произведениях самого Новалиса, в частности в романе «Гейнрих фон Офтердинген», идея которого пришла ему после знакомства с Тиком. Сказка, понимаемая как «канон поэзии» [4, с. 98], являлась одним из важнейших понятий в концепции творчества у Новалиса. Сборник «Фантазии об искусстве для любителей искусства» также демонстрирует интерес к средневековью и повествует о тесной связи вопросов религиозных и эстетических, что, очевидно, не могло не привлечь внимания Новалиса, который в 1797 г. начал изучать теологию и, соответственно, интересовался религией. Как мы видим, проза Тика весьма заинтересовала его, и он с нетерпением ожидал грядущей встречи.

Эта встреча состоялась 17 июля 1799 г. в Йене, в атмосфере дружеского веселья, творчества и близости с природой. Все это время Новалис не расстаётся с Тиком: через четыре дня, 21 июля, они вместе едут в Веймар, где обедают у Гете, а 26 июля Новалис провожает Тика в Гибихенштейн близ Галле, к его родственникам. Они встретятся только через два с половиной месяца, 11 октября, когда Тик с семьей придет в гости к Гарденбергам в Вайсенфельс, где жило все семейство фон Гарденбергов. Глава семейства, отец Новалиса, был участником протестантской секты гернгутеров, и в доме царил суровая атмосфера аскетизма.

К этому периоду относится знаменитое первое письмо Новалиса Тику, в котором мы находим та-

кие строки: «Само описание того вечера могло бы составить чудесный романтический фрагмент. Знакомство с тобой открывает новую книгу в моей жизни. В тебе я нашел много такого, что я до сих пор по отдельности находил среди моих знакомых. Подобно тому, как моя Юлия (невеста Новалиса. – Т. З.) представляется мне обладательницей всего самого лучшего, так и ты, как мне кажется, соприкасаешься и находишься в родстве со всем лучшим в момент его цветения. Ты произвел на меня глубоко чарующее впечатление. Еще никто не захватывал меня так тихо и, однако, так полно, как ты. Я полностью улавливаю смысл каждого твоего слова. Не чувствую нигде никакой, даже отдаленной помехи. Ничто человеческое тебе не чуждо – ты во всем принимаешь участие – и распространяешь себя, как легкий аромат, равно над всеми предметами, и охотнее всего паришь над цветами» [1, с. 185–187].

В основе сравнения нового знакомства с новой книгой лежит романтическое понимание единства жизни и искусства: «тайная и непрестанно льющаяся жизнь – и в этом первооснова эстетики романтиков... они любят само течение жизни уподоблять стиху» [5, с. 19]. Это утверждение созвучно высказыванию Новалиса о том, что роман – это «жизнь, представленная в виде книги», «ein Leben als Buch» [5, с. 109]. В полном согласии с этой идеей Новалис сравнивает «чудесный вечер» с «романтическим», т. е. чудесным, причудливым, необычным «фрагментом». Фрагмент, как пишет В. И. Грешных, утвердился в культуре романтизма как особая форма мышления, как «особый поэтический инструмент познания жизни», который «активно влияет на художественное сознание» [6, с. 14]. Вечер как отдельный эпизод жизни является частью ее потока и одновременно вычленим из нее. Отношения фрагмента с целостностью, целостным произведением сходны, поскольку, с одной стороны, он отделен от него и, по словам Ф. Шлегеля, «словно маленькое произведение искусства, должен совершенно обособляться от окружающего мира и замыкаться в себе, подобно ежу» [7, с. 300], но с другой – «схватывает в своем жанровом сознании устремленность к целостности» [6, с. 21]. О связи фрагмента с целым Л. Тик пишет, что «по отдельным фрагментам красивой колонны можно догадаться о ее пропорциях и представить себе ее в цельном виде» [там же].

Одно из самых метких свидетельств об отношении Новалиса к Тику мы находим в письмах Доротеи Шлегель Шлейермахеру. 11 октября 1799 г. она пишет (Тик и Новалис знакомы уже три месяца): «Он без ума от Тика и его жены, влюблен в Тика и его жену, потому что она жена Тика, и не обращает внимания на все остальное. <...> Сколько еще про-

длится этот бред, неизвестно» [3, S. 644]. И вновь возвращается к этой мысли 28 октября: «...Он безумно и неистово влюблен в Тика...» [Ibid.]

«Бредом» Доротея Шлегель, жена младшего из братьев, Фридриха, называет, очевидно, состояние экзальтации, вызванное у Новалиса общением с Тиком. Острый ум Доротеи и ее способность к метким замечаниям, подобным приведенному выше, сделал ее значительной фигурой в йенском кружке. Важная роль женщин, в том числе и Доротеи Шлегель, в романтической культуре была, по словам Н. Берковского, обусловлена их умением «внести непосредственность» в общество погруженных в отвлеченные философские изыскания мужчин: «на долю женщин выпадал синтез самый ответственный: культуры с жизнью как таковой» [5, с. 12–13]. Амалия Тик, в девичестве Альберти, которая вышла замуж за Л. Тика в 1798 г., по-видимому, не принимала особого участия ни в деятельности мужа, с которым, очевидно, они не были по-настоящему духовно близки, ни в жизни романтического кружка.

В числе прочих свидетельств тесной связи Новалиса и Тика, а также их теплого отношения друг к другу находится и письмо Новалиса к Ф. Шлегелю (31 января 1800 г.): «Уже во Фрайберге я узнал от Штеффена неприятное известие о болезни Тика. Я принял самое сердечное участие в этой сложной судьбе. Из-за него я радуюсь весне... зима не для Тика. Ему... определенно нужен более южный климат. Передай этому доброму человеку и его жене мой самый нежный и братский привет. Я люблю их невыразимо» [3, S. 317].

Следующая встреча с Тиком происходит ровно через месяц, с 11 по 15 ноября 1799 г., когда в Йене собирается почти весь романтический кружок: братья Шлегели, Доротея Шлегель, Каролина Шлегель, жена Августа Вильгельма, Л. Тик и Ф. Шеллинг. Новалис читает друзьям свою статью «Христианство или Европа», которая производит крайне неоднозначное впечатление, и некоторые «Духовные песни». Тик читает недавно законченную трагедию «Жизнь и смерть святой Геновевы», которая была воспринята восторженно. Все эти три произведения напрямую, как уже видно по их названию, связаны с религиозной тематикой. Статья «Христианство или Европа» посвящена идее католической церкви как основы жизни европейского государства, а «Жизнь и смерть святой Геновевы» представляет собой обработку немецкой народной книги в стилистике католических мистериальных драм. Как видим, мысли друзей заняты одним и тем же предметом, который каждый из них воспринимает индивидуально и трактует по-своему. Сходство интересов и эстетических убеждений укрепляет духовную связь между друзьями, позво-

ляя им бесконечно обмениваться идеями и творческими замыслами, вдохновляя друг друга.

Между ноябрем 1799 г. и февралем 1800 г. проходит два с половиной месяца, не ознаменованных, насколько можно судить, никакими контактами. Во втором из известных писем (от 23 февраля 1800 г.) Новалис пишет о том, что закончил первые пять глав «Гейнриха фон Офтердингена». Это письмо настолько значительно, что мы приведем здесь его существенную часть. «Мой роман идет полным ходом. Двенадцать листов почти готовы. План, достаточно подробный, уже есть у меня в голове. Роман будет в двух частях – первую я надеюсь закончить через три недели. Она представляет предзнаменование и пьедестал второй части. Целиком роман должен стать апофеозом поэзии. Гейнрих фон Офтердинген в первой части созревает как поэт – и во второй прославляется как поэт. Он будет во многом иметь сходство со Штернбальдом – но только не в легкости. Однако, возможно, этот недостаток не повредит содержанию. Это в любом отношении первая попытка – первый плод вновь созревшей во мне поэзии, в возникновении которой величайшая заслуга принадлежит тебе» [3, S. 322]. Романы «Гейнрих фон Офтердинген» и «Странствия Франца Штернбальда» являются, как пишет И. Н. Лагутина, «романами о воспитании художника и шире – философскими романами, решающими вопросы космического устройства» [8, с. 5]. Главные герои обоих романов отправляются в странствие в поисках совершенства, эстетического идеала, поскольку, согласно романтическому представлению, «законы, отражающие построение бытия наиболее точно, – это законы искусства» [там же]. В романе Тика, по мнению другого исследователя, главное – «не событие, а свободное самовыражение романтического духа, стремящегося к бесконечности» [9, с. 20]. Очевидно, такому пониманию сущности романа, который, по Новалису, «должен быть сплошной поэзией» [4, с. 100], созвучно и понимание «поэзии», о которой говорит Новалис. «Величайшая заслуга» Тика состоит также и в том, что в романе Тика Новалис находит подтверждение своих идей, которое укрепляет его в его творческом замысле. Постоянное ощущение близости друга, ощущение единства мыслей и чувств, прямая коммуникация «от сердца к сердцу» – все это составляет основу дружбы двух поэтов. Можно также добавить, что заслуга Тика заключается и в том, что он тщательно восстановил содержание не завершенной Новалисом второй части «Гейнриха фон Офтердингена». Он не только излагает по памяти рассказы друга о книге, но и черпает из оставленных им бумаг. «Разработка этого плана», пишет Тик в «Офтердингене», «была бы вечным памятником новой поэзии» [10, с. 142]. Тик, для

которого, по словам его биографа Р. Кёпке, Новалис стал заменой Вакенродеру [11, S. 274], видел свою задачу в том, чтобы сохранить наследие Новалиса и передать его как можно более полно: вскоре после его смерти он вместе с Ф. Шлегелем подготовил издание его сочинений. В письме к Ф. Шлегелю он пишет: «Вильгельм (Шлегель. – Т. 3.) хотел, чтобы я закончил роман, и я пытался доказать ему невозможность и даже неприличие этого, он этого не понимал, и я наконец ему уступил, чтобы не спорить... Я полностью согласен с тобой в том, что все, что он (Новалис. – Т. 3.) оставил, должно почитаться нами, его друзьями, как святыня» [3, S. 683]. Поэтому в изложении второй части Тик максимально отстраняется, сокращая свою роль в написании романа до роли беспристрастного историка и комментатора.

Письмо Новалиса от 5 апреля 1800 г. посвящено в основном окончанию работы над первой частью «Гейнриха фон Офтердингена»: «Я закончил первую часть моего романа. Я даже отдал его переписать и привезу его с собой. Я рад, что приступил к исполнению некоей большей идеи – на протяжении многих лет я был не в состоянии терпеливо следовать большому плану, и теперь я с удовольствием вижу, что эта трудность позади. Самостоятельная работа образывает на самом деле больше, чем неоднократное чтение. Когда принуждаешь себя писать, сталкиваешься с настоящими трудностями и учишься ценить искусство. Простой любитель неизбежно пропустит бесконечно многое и сможет судить верно только, пожалуй, о характере произведения. Твои сочинения стали для меня с тех пор намного поучительнее, и ни разу еще я не читал их, не получив нового наслаждения и новых открытий. В конце я включил сказку, которая доставляет мне много радости. Я был бы очень рад, если бы тебе она понравилась» [3, S. 328–329].

Возможность органического включения сказки в текст романа подтверждает их родство, которое основано на единстве их эстетического принципа: и сказка и роман имеют в своей основе случай. «Ничего не может быть противнее духу сказки, чем нравственный фатум, закономерная связь» [4, с. 98]. «Романтическое представление о мире как романе» появляется еще у Гете в романе «Годы учения Вильгельма Мейстера», где он замечает, что «драмой движет судьба, а романом случай» [8, с. 7]. Однако если роман – это «жизнь, представленная в виде книги» [5, с. 109], то сказка представляет «абстрактный мир, мир сна, умозаключения, переходящие от абстракций и т. д. к нашему состоянию после смерти» [4, с. 98]. Вписывание сказки в текст романа может символизировать возможность подбора эстетического, философского ключа к пониманию жизни.

Кроме того, Новалиса очень занимает обещанное Тиком для «Атенея» стихотворение о немецком философе Якобе Бёме (1575–1624). Философия Бёме, о котором Новалис узнал именно от Тика, – это одна из ключевых тем для них обоих, доказательством чему может служить то, что стихотворение «К Тику» очерчивает образ Бёме. «Настоящий хаос, полный темного вожделения и чудной жизни, – истинный центробежный микрокосм. Я так рад, что узнал его благодаря тебе» [3, S. 322]. Незадолго до этого Новалис планирует «Сочинение о Якобе Бёме – его значении как поэта» [3, S. 872]. Тик первым из романтиков увлекся пантеистической философией Бёме, утверждающей основание всех вещей в божественной первооснове, и увлек ею других романтиков. Йенцы обратились к идеалу Фантазии как способу познания (у Бёме – воображение, Imagination) и Природы, которая, в соответствии с духом пантеизма, воспринималась как проявление Божества. По Бёме, вселенское бытие внутренне двойственно, так как двойственность принадлежит к самому всеединству [12, с. 44]. Во многом благодаря интересу к учению Бёме у романтиков складывается их особый подход к изображению жизни, стремлению описать ее во всей возможной полноте.

Однако общение поэтов не ограничивалось обсуждением только философских вопросов и творческих планов. Письмо Новалиса от 5 апреля 1800 г. частично посвящено попыткам убедить Тика в необходимости получить хотя бы небольшую должность, чтобы ему могли дать ссуду. Денежные проблемы, очевидно, очень занимали Тика, который тогда не имел стабильного дохода. Приведем здесь весь абзац целиком.

«Самое скверное, дорогой Тик, что у тебя нет постоянного дохода. <...> ...Большинство не захочет одалживать неизвестного писателя без стабильного заработка, полагаясь лишь на его слово. В этом неудобство твоего образа жизни, и его сложно избежать. Уверяю, если бы у тебя только была хотя бы небольшая должность, тогда я мог бы назвать массу людей, которые предоставили бы тебе кредит, однако так я не могу об этом и подумать. Когда я к тебе приеду, что случится скоро, мы с тобой поговорим об этом более подробно, может, тогда нам придет на ум еще какая-нибудь хорошая идея» [3, S. 328].

В последний раз Тику и Новалису было суждено увидеться летом 1800 г. В период с 20 по 22 июня Тик с семьей навещает Новалиса в Вайсенфельс, а 23–25 июня Новалис сопровождает Тика в Гибихенштейн. Вот что пишет об этой встрече Тик: «Я нашел его здоровым и веселым, и его внешность не переменилась, хотя его родственники были несколько озабочены и замечали в нем

бледность, а также усиливающуюся худобу. <...> Мы ежедневно гуляли пешком или верхом, и при быстром подъеме на гору, при каком-либо усилии я не мог заметить в нем никакой слабости... Он был воодушевлен планами своего будущего счастья; его квартира была уже обставлена, потому что уже в августе он намеревался отпраздновать свой союз с невестой; точно так же охотно говорил он о скором окончании “Офтердингена” и других книг; жизнь его, казалось, делалась шире благодаря разносторонней деятельности и любви. Когда я с ним прощался, я не мог и предполагать, что больше его не увижу» [1, с. 242–243].

Новалис искренне интересовался положением дел Тика и состоянием его здоровья: «Мне очень жаль, что твои ревматические боли в коленях до сих пор не прошли. Надеюсь, ты уже испробовал все, что пробуют в таких случаях, – теплые ванны, повязки из промасленной ткани, электричество, гуаяк и тафию» [3, S. 321–322]. Причиной болей была подагра, усиленная травмой после падения с лошади. Новалис, почти вся жизнь которого прошла под знаком борьбы с разнообразными физическими недугами – от перенесенной в детстве дизентерии до туберкулеза, который стал причиной его смерти, – уделял большое внимание вопросам, касающимся тела и телесного. Понятия «здоровье» и «болезнь» часто фигурируют в его заметках и применяются к описанию не только собственно физического тела, но и философских понятий. В известном фрагменте Новалис говорит о том, что «поэзия есть великое искусство устройства трансцендентального здоровья. Поэт, таким образом, трансцендентальный врач» [10, с. 149]. Это означает, что поэт выступает в качестве посредника между непосредственной реальностью и первоосновами бытия. Под «трансцендентальным здоровьем» следует понимать некую изначальную целостность бытия, которая творится и возвращается посредством поэтического языка. Эта идея позднее найдет свое отражение в философских работах XX в., в частности у М. Хайдеггера: «...язык – дом бытия. И в нем обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого обиталища» [13, с. 192]. Тело и душа, по Новалису, тесно связаны с первоосновами бытия, значит, и друг с другом: «...болезни должны рассматриваться как телесное сумасшествие, в частности как навязчивая идея» [14, S. 586], и, следовательно, «любое заболевание можно назвать психическим» [14, S. 663]. Идеи Новалиса предвосхищают положения современной психосоматики, о чем свидетельствуют авторы книги «Психосоматическая медицина» [15, с. 13]. М. Ф. К. Биша (1771–1802), французский хирург, один из основоположников современной танатологии, сравнил здоровье с «молчанием органов», а болезнь – с «их бунтом»

[16, p. 43–44]. Известие о болезни близкого друга, особенно болезни продолжительной, таким образом, не может не встревожить Новалиса, поскольку болезнь тела, «бунт органов», возможно, имеет свои истоки на духовном уровне. Стоит, однако, заметить, что Новалис рассматривает болезнь как важный элемент становления личности и даже как своеобразное искусство: «...болезни, особенно долгие, – это годы обучения искусству жизни и формирования характера» [14, S. 686]. Таким образом, болезнь Тика воспринимается как нечто, вторгающееся в пространство их духовной связи, что не может не беспокоить Новалиса.

Как известно, дальше Новалису стало хуже. Письмо от 1 января 1801 г. небольшое и почти целиком посвящено его дурному самочувствию и тому, как оно сказывается на его работе:

«Я от всего сердца рад твоему письму. Как давно я бы уже опередил тебя, если бы только длительная болезнь нижней части тела и груди не вывела меня совершенно из строя. Она все еще продолжается, и может продолжаться еще долго. О работе я сейчас не могу и подумать. Зима ставит серьезные преграды на пути моего выздоровления, и до лета и, возможно, поездки в Карлсбад, не могу надеяться на значительное улучшение. Тут я слоняюсь. Карл постоянно заботится обо мне – Юлия тоже здесь, и у меня есть все, что мне может быть мило, вплоть до сил и здоровья». В конце письма Новалис добавляет, что его брат Карл потом напишет Тику [3, S. 343].

Для романтиков с их идеей симпосия, «симфилологии», совместного творчества, разумеется, были очень ценны как дружеские, так и родственные узы. Между Карлом фон Гарденбергом, младшим братом Новалиса, и Тиком действительно была переписка, состоявшая из нескольких трогательных писем, в которых обсуждалось среди прочего и здоровье Новалиса. Они производят впечатление осторожных и полных тревоги разговоров за спиной больного: «Дела у Фрица идут не очень хорошо; прогнозы становятся с каждым днем мрачнее; если бы только его страдания не возрастали; эти пока еще переносимы; да свершится Господня воля, он решит когда-нибудь эту темную загадку» [3, S. 676].

В биографии Новалиса, сопровождающей издание его сочинений, Тик пишет: «Чем ближе был его конец, тем тверже он надеялся на свое скорое выздоровление, потому что его кашель становился слабее, и сам он, не считая слабости, не чувствовал себя больным. С надеждой и жадной жизни к нему, казалось, пришел новый талант и свежие силы; с обновленной любовью думал он обо всех своих проектах, он принялся заново переписывать „Офтердингена“ и незадолго до своей смерти он сказал однажды: „только теперь я узнал, что такое

поэзия, бесчисленные и совершенно иные песни и стихотворения открылись во мне“» [3, S. 557]. Существование в особом состоянии, на границе между жизнью и смертью, в ожидании «трансцендентального перехода» напрямую связано в романтической культуре с ощущением Поэзии как божественного искусства в целом, поскольку в момент перехода человек становится реально «способным к изменению своей собственной физической природы» [17, с. 143], а в «мгновение перехода происходит „магический“ акт преобразования мира, его „романтизация“, осуществление идеального царства духа» [там же]. Человек, стоящий на пороге этого перехода, соответственно, особенно чувствителен ко всему, что связано с духовной стороной жизни, а значит, и к искусству, т. е. поэзии в понимании романтиков, поскольку «чувство поэзии имеет много общего с чувством мистического. Это чувство особенного, личностного, неизведанного, сокровенного, должного раскрыться, необходимо-случайного» [4, с. 94–95]. Близость «трансцендентального перехода» неизбежно должна вызывать чувство мистического, что обусловлено прежде всего предчувствием изменения человеческой природы, приближающего разгадку «величайшей тайны», которой «для человека является он сам» [4, с. 107]. Как пишет Новалис, «смерть – это романтизированный принцип нашей жизни» [4, с. 106], а следовательно, смерть может являться и ключом к пониманию жизни, разгадкой тайны.

Незадолго до смерти Новалиса Тик пишет Ф. Шлегелю: «Гарденберг очень печалит меня, я сам от себя скрываю, как я боюсь и скорблю, это отравило мне эту зиму. Настоящие люди умирают, ничтожества живут несмотря ни на что» [3, S. 678]. Уже после смерти друга Тик напишет Фридриху (письмо от 23 апреля 1801 г.) о тяжелом предчувствии, посетившем его, как только он услышал о болезни Новалиса: «Ты не поверишь, как сильно меня повредила, измучила страхом, почти разрушила эта затаенная боль еще с зимы: я не могу об этом говорить и тем самым облегчить ее. Как только я услышал о его болезни, я стал считать его умершим, да с тех пор, как я с ним познакомился, я видел в нем мертвого, и мое предчувствие меня не обмануло: и все же это предчувствие никак не могло притупить моих ощущений, я был готов чувствовать боль уже заранее...» [3, S. 683]. Как пишет К. Гюнцель, Тик не смог окончательно справиться с этой утратой [18, S. 212].

Строки цитированного выше письма мало помогают пролить свет на то, что происходило между друзьями в период между июнем 1800 г. и январем 1801 г., а также январем и мартом 1801 г. По сохранившимся скудным источникам и письмам можно судить о том, что они практически не обща-

лись. Таким образом, полуторагодовалый период, в течение которого длилась дружба Тика и Новалиса, освещен лишь небольшим набором фактов. Однако в данном случае, возможно, подробный анализ всех скурых свидетельств их личного общения не так важен, поскольку тесная духовная связь, существовавшая между ними, заменяла им их редкие и краткие встречи. Возможность свободного, не скованного никакими рамками духовного общения, совместного чувствования, была неотъемлемой частью романтической творческой атмосферы, ее

источником и неперенным условием существования. Образ романтической дружбы, существовавшей между Тиком и Новалисом, возможно, обретет в дальнейшем новые краски, если будут открыты какие-либо новые письма или иные свидетельства их личного общения, однако суть его останется прежней, поскольку все основные доказательства уже известны. На данный момент можно сказать только, что без того вечера 17 июля 1799 г., когда они познакомились, история немецкого романтизма была бы совершенно другой.

Список литературы

1. Шульц Г. Новалис, сам свидетельствующий о себе и своей жизни (с приложением фотодокументов и иллюстраций). Челябинск: Урал LTD, 1998. 327 с.
2. Holtei K. von. Briefe an Ludwig Tieck. Bd. 1. Breslau: Verlag von Eduard Trewendt, 1864. 376 S.
3. Novalis. Schriften. Die Werke Friedrich von Hardenbergs. Bd. 4: Tagebücher, Briefwechsel, Zeitgenössische Zeugnisse. Stuttgart, Kohlhammer, 1975. 954 S.
4. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. С. Дмитриева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 638 с.
5. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
6. Грешных В. И. Ранний немецкий романтизм. Фрагментарный стиль мышления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 140 с.
7. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М.: Искусство, 1983. 479 с.
8. Лагутина И. Н. Типология жанра немецкого романа конца XVIII века (Гете, Тик, Новалис): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 24 с.
9. Джабраилова М. И. Жанр романа в творчестве Людвиг Тика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2005. 22 с.
10. Новалис Гейнрих фон Офтердинген; Фрагменты; Ученики в Саисе. Новалис: Литературный этюд Т. Карлейля. СПб.: Евразия, 1995. 239 с.
11. Körpe R. Ludwig Tieck. Erinnerungen aus dem Leben des Dichters nach dessen mündlichen und schriftlichen Mitteilungen. Bd.1. Leipzig: Brockhaus, 1855. 384 S.
12. Кириенко Н. Г. Поэзия Тютчева и философия немецкого романтизма // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 8 (98).
13. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 445 с.
14. Novalis. Schriften. Bd. 3. Das philosophische Werk II. Stuttgart, Kohlhammer, 1968. 1076 S.
15. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. фон. Психосоматическая медицина: краткий учебник. М.: ГЭОТАР Медицина, 1999. 373 с.
16. Sontag S. Illness as Metaphor. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1988. 87 p.
17. Лагутина И. Н. Философия смерти и «Художественное учение о бессмертии» в раннем немецком романтизме: Новалис, «Гимны к ночи» // Жизнь и смерть в литературе романтизма: Оппозиция или единство? М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. 431 с.
18. Günzel K. König der Romantik: das Leben des Dichters Ludwig Tieck in Briefen, Selbstzeugnissen und Berichten. Tübingen, Wunderlich, 1981. 561 S.

Зотова Т. А., аспирант

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Ул. Поварская, 25 а, Москва, 121069.

E-mail: nur_ostwind@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 23.08.2011.

T. A. Zotova

L. TIECK AND NOVALIS: THE STORY OF A SHORT FRIENDSHIP

This article presents an attempt to depict and to conceptualize the history of professional and private relations between L. Tieck and Novalis. The article is based upon correspondence between members of the Romantic circle.

Key words: *Tieck, Novalis, Jena romantics, poetics, romantic concepts, friendship, illness.*

A. M. Gorky Institute of World Literature (Russian Academy of Science).

Ul. Povarskaya, 25 a, Moscow, 121069.

E-mail: nur_ostwind@inbox.ru